

НАУКА И ТОРА, ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ

Янис Вейш

Рига, Латвия

«ИЗВРАЩЕНИЕ» СВОБОДЫ В КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ ИСАИИ БЕРЛИНА И ОПЫТ ПОСТТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

С сожалением следует отметить, что идеи Исаии Берлина¹ с запозданием входят в духовную жизнь Латвии. Ведь наряду со всеми иными качествами, которые характеризуют творчество этого родившегося в Риге всемирно известного интеллектуала, одна из граней его деятельности особенно пригодилась бы нашему обществу в преодолении наследия тоталитаризма. Это концепция свободы Исаии Берлина — его анализ позитивного и негативного понимания свободы, который дан в известной инаугурационной лекции и расширен в книге «Четыре эссе о свободе», которая вскоре появится и в латышском переводе.

Исаия Берлин не первый, кто обратился к вопросам свободы, и не первый, кто ввел понимание негативной и позитивной свободы. Это и до него делали многие мыслители, хотя бы в известной дискуссии в истории теологии и философии о «свободе воли», которая прослеживается по крайней мере со времен Августина. Как известно, Мартин Лютер пришел к своим далеко идущим реформаторским выводам, первоначально выступая против активной (по отношению к пастве) католической доктрины оправдания, и в этом можно усмотреть отдаленную аналогию с выводами Берлина о негативных (неприемлемых) чертах позитивной свободы. Эта инверсия, это принципиальное изменение акцентов, которое в конечном итоге изменяет всю семантику понимания свободы, позволяют проведенному подобным образом анализу стать главной теоретической парадигмой второй половины XX в. в борьбе свободного западного мира против тоталитарных режимов этого столетия.

Хотя и с опозданием, рецепцию этой парадигмы в Латвии следует рассматривать как неотложное дело и стоит надеяться, что все большее «возвращение домой» Берлина будет служить этой цели.

Перевод с латышского.

Я прошу понять меня правильно: говоря о «возвращении домой» сэра Исаяи, я не хочу «отнимать» Берлина у Оксфордского университета или у британской культуры, к которой он принадлежит по праву. Однако, во-первых, его «домом» я называю то геополитическое и культурное пространство, в котором проходила его творческая деятельность, — а именно то, что можно назвать измерением Петербург — Рига — Западная Европа; во-вторых, назвав Берлина «латвийским философом», я могу сослаться на его личное разрешение на публикацию одного из его трудов в латышском переводе, которое я получил с юмористической доброжелательной припиской о том, что в 30-е гг. на одной из конференций в Италии его называли «*Latvian philosopher*» (англ. «латышский философ». — *Ред.*).

Оригинальность и новизна решений Исаяи Берлина в понимании «свободы» анализируются по меньшей мере в трех связанных между собой аспектах, которые я сгруппировал в порядке возрастания их значимости.

Первое. Исаяя Берлин уделил внимание вопросу о том, что понятия негативной и позитивной свободы логичны и исторически взаимосвязанны и что они в этом смысле находятся «очень близко». Особенно в том, что касается семантических нюансов, данные понятия даже трудноразличимы, однако именно это различие, как мы вскоре поймем, имеет очень важное значение. В историческом аспекте, как говорил Берлин, понятия негативной и позитивной свободы могут быть различены намного легче, поскольку понятие позитивной свободы выросло из негативной и с течением времени разница между ними увеличивалась.

Второй аспект, в котором проявляется новизна решения Берлина, является уже намного более важным, и ему присущи качества подлинного открытия. Исходя из ранее сказанного о том, что понятие позитивной свободы исторически выросло из понятия негативной свободы в процессе поступательного развития духовной жизни Европы, может показаться — и большинство мыслителей с этим соглашаются, — что «позитивная свобода» представляет собой, так сказать, более «ценную» модель свободы, что она больше отвечает стандартам понимания современной цивилизованной личности и социальности. Иными словами, негативная свобода — это нечто относящееся к «темным временам» цивилизации или к самым ее истокам, в то время как в понятии позитивной свободы сосредоточены наиболее позитивные черты эпохи Просвещения.

В этом отношении Берлин выходит с парадоксальным и потрясающим открытием: по его мнению, как негативная, так и

позитивная свобода одинаково опасны для предпосылок человеческого существования; причем обе эти формы свободы, несмотря на то, как уже говорилось, что они логически взаимосвязаны, не таковы, чтобы можно было добиться гармоничного согласия между ними, и — что самое главное — они таковы, что обе подвержены — каждая в своем роде — возможности их искажения. Берлин называет это «извращением» (*perversion*), и такие свободы — как негативная, так и — да — позитивная, служили основной причиной различных несправедливостей, угнетения и ограничения человеческих свобод.

Вместе с этим понятие свободы в результате анализа, проведенного Берлиным, утратило ту романтическую, приподнятую и экзальтированную ауру, которой одарили ее многие поколения философствующих поэтов, стихотворствующих философов и других «рыцарей истины». Оказалось, что понятие свободы не только возвышенное и уважаемое, но и «коварное» понятие и ему внутренне присуща огромная деструктивная — самоуничтожающая сила.

Теперь вкратце о той семантике, которую можно обнаружить в результате анализа понятий позитивной и негативной свободы и в их обоюдной сыгранности. Негативная свобода в ее «чистом» виде иллюстрируется достаточно просто. Сам Берлин говорил, что в этом смысле свободным можно считать человека, который не находится в тюрьме или не привязан к дереву. Негативная свобода фактически является отсутствием препятствий для действий человека — как физических препятствий, так и, что намного важнее, отсутствием искусственных препятствий, созданных людьми. Разумеется, что в связи с негативной свободой встает ряд проблем — например, каким образом отличить естественные препятствия от созданных другими людьми, каким должен быть оптимальный спектр возможных выборов, а также связана ли негативная свобода с возможностью пассивного выбора или в ее идентификации какую-то роль играет реализация этой возможности и т. п. Возможно, что самые серьезные (наиболее значимые) упреки в адрес Берлина в связи с негативной свободой относились к проблематике социальной и политической справедливости, так как искажения («извращения») негативной свободы чаще всего были связаны с *laissez-fair* (фр. «непротivление». — *Ред.*) антигуманным чертам капитализма — оно привело, например, говорит Берлин, к труду детей в угольных шахтах и к другим приметам капитализма XIX в. Однако, настаивает Берлин, искажение негативной свободы легко заметить; можно сказать, что оно не настолько «коварно», как иска-

жение позитивной свободы, открытие которой составляет наиболее значительную часть берлиновского анализа.

В качестве отступления позволю себе добавить, что в современной ситуации в Латвии с ее отпугивающими гримасами дикого капитализма — от детей на улицах до произвола домовладельцев в «вымораживании» жильцов из квартир, уже не говоря о деятельности «акул» приватизации, — анализ контекста нашей социальной действительности в духе методологии Берлина должен считаться неотложной и священной задачей социальных наук.

Однако главное внимание и в наших условиях, следуя ходу мысли самого Берлина, по-моему, следует уделить пониманию и исключению «извращений» позитивной свободы, ибо по сути эти «извращения» глубоко проросли в нашу духовную и политическую культуру и в большой мере определяют, например, как хаотичное, неразумное поведение нашего электората, так и нигилизм и самоуправство избранных власть имущих.

Для различения негативной и позитивной свободы в логико-семантическом аспекте сам Берлин советует руководствоваться двумя вопросами. Если в связи с негативной свободой главный вопрос — это «В какой мере я свободен?» или «В какой мере моя свобода ограничивается (контролируется)?», то, идентифицируя позитивную свободу, следует задать вопрос: «Кто меня контролирует?» («*Who controls me?*»), «Во имя чего это делается?» и т. п. Таким образом, в определении позитивной свободы ее понимание направлено больше на, так сказать, качественный аспект, на то, каковы свойства (качества) того субъекта, который меня ограничивает, во имя каких целей это делается и каково мое личное отношение к этим целям. Иными словами, в какой мере я как свободный субъект деятельности согласен с этими целями, в какой мере Я Сам являюсь автономным субъектом своего свободного выбора. Следовательно, вопрос свободы становится вопросом целостности моей личности в случае морального, политического и любого другого выбора. Все это звучит достаточно благородно и «современно», чтобы можно было сделать вывод о позитивном характере позитивной свободы в связи с социальным пониманием личности.

Однако Берлин показывает: «...именно позитивная свобода сказала намного больше извращенного (искаженного), чем негативная свобода. Негативная свобода привела к *laissez-fair* и к страданиям детей в угольных копиях. Однако позитивная свобода стала фатальным деспотизмом, губительницей всех идей, разрушительницей жизней и мыслей».

Позитивная свобода в представлении Берлина стала причиной и несет прямую ответственность за тоталитаризм — комму-

низм, фашизм, нетерпимый национализм, религиозные и другого рода экстремистские оргии, которые, подобно разрушительному смерчу, пронесли над европейской цивилизацией в течение XX в.

Почему так случилось? Какая связь могла существовать между личностью, одухотворенной идеалами позитивной свободы, и подобного рода катаклизмами?

Ответ Исаяи Берлина таков, что именно идеал позитивной свободы в духовной истории Европы всегда был связан с различными метафизическими, а с конца XVIII в. — романтическими учениями, которые основываются на утопических понятиях о природе человека. Этот ответ приводит нас к ядру эпистемологии² и социальной философии Исаяи Берлина, а именно к его концепции историографического плюрализма, направленной против монистической доктрины, к общей негативной оценке влияния немецкого романтизма и к эпистемологической критике метафизики, что естественно вытекает из раннего периода его участия в разработке аналитической философии³.

«Я никогда не верил в какие-то метафизические истины, — говорит Берлин, — ни в такие рационалистические истины, с которыми выступали Декарт, Спиноза, Лейбниц и — в своем очень специфическом роде — Кант, ни в истины [объективного] идеализма, отцами которого являются Фихте, Шеллинг и Гегель и у которых все еще есть последователи в наши дни».

Позиция Берлина в показе немощности метафизической философии является частью общего антиметафизического направления аналитической философии, которое стало стандартом культуры мышления развитых западных демократий; его оценка апофеоза романтической воли является оригинальным вкладом Берлина в анализ истории идей — истории идей XIX и XX столетий.

Аналитические выводы второй половины XX в. остались чуждыми латвийскому обществу из-за преград, созданных советской тоталитарной системой; также и идеи романтизма, в колыбели которых на протяжении прошлого века развивались понятия национальной идентичности и которые помогли сохранить эту идентичность в течение последних пятидесяти лет и вновь обрести ее во время «песенной революции»⁴, в данный момент, когда настала пора перейти от романтической приподнятости к реальным делам, требуют серьезной переоценки. В обоих случаях вклад нашего земляка Исаяи Берлина, особенно в оценку аналитической концепции свободы, должен стать неотъемлемой частью нашего философского и политического сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. примеч. 4 на с. 14.
- ² Эпистемология (от гр. *epistēmē* — знание; *logos* — учение) — то же, что теория познания. — *Ред.*
- ³ Аналитическая философия — направление западной, главным образом англо-американской, философии XX в.; сводит философию к анализу преимущественно языковых средств познания. — *Ред.*
- ⁴ В историографии Латвии под «песенной революцией» подразумеваются перемены, происшедшие в прибалтийских странах в конце 80-х — начале 90-х гг. — *Ред.*